

КАМИЛА ЛЕВИТАН

ЗАЯВЛЕНИЕ
О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

Измена мужа.
Ты оставил развод
на моей подушке!

Камила Левитан

**Измена мужа. Ты оставил
развод на моей подушке!**

«Автор»

2026

Левитан К.

Измена мужа. Ты оставил развод на моей подушке! /

К. Левитан — «Автор», 2026

Я вернулась из командировки и обнаружила на нашей кровати заявление о разводе. А рядом — фотографию мужа с молодой любовницей! Десять лет брака. Десять лет доверия. И вот такой подарок. Артём даже не потрудился объясниться. Вместо этого подготовил соглашение, по которому я должна отдать ему квартиру, машину и миллионы, а заодно расплачиваться по его тайным долгам! Но он кое-что забыл. Я — финансовый аудитор. И умею находить деньги, которые другие тщательно прячут! Теперь у меня есть опасный союзник, компромат и доказательства его махинаций. Ты хотел развода, дорогой? Получишь! Только сначала я выставлю тебе счёт за каждый год нашей лжи!

© Левитан К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Камила Левитан

Измена мужа. Ты оставил развод на моей подушке!

Глава 1

На телефоне было 21:43, когда таксист затормозил у моего подъезда.

— Чемодан достать?

— Он маленький, я сама. Спасибо.

Маленький чемодан застрял между сиденьями, и я всё-таки приняла помощь. Потом долго тыкала картой в считыватель. Красная лампочка загоралась, замок молчал. Ещё этого не хватало. Три дня в Питере, три дня чужих переговоров, кофе вместо обеда, а дома нельзя даже открыть дверь. Артём обещал меня дождаться. Я посмотрела на наш балкон: темно. Ладно, может, в спальне. Мне бы ванну. И чтобы хотя бы полчаса никто ничего не спрашивал.

Меня впустил сосед с собакой. Пёс сунул нос к колесу чемодана, хозяин одёрнул поводок и придержал дверь. В лифте я уже доставала квартирный ключ: нащупала его по сколотому краю пластиковой насадки. Здесь всё открылось сразу.

— Тём?

Никто не ответил. Из прихожей тянуло ментолом — тем мерзким табачным запахом, который въедается в волосы. Муж не курил дома. Во всяком случае, при мне. А под табаком оставалось что-то сладкое, душное, как в тесном лифте после женщины, переборщившей с духами.

Чемодан оставила у двери. Туфли сняла, упираясь носком одной в пятку другой; второй каблук ударил по первому.

— Артём!

Ну вот зачем орать? Если бы он был в ванной, я услышала бы воду. Прислушалась ещё раз. Во всей квартире работал только холодильник. Запах мог попасть через вентиляцию. Или от соседа. Я даже подошла к решётке и втянула воздух, сама себе отвратительная в этой попытке ничего не заметить.

В сумке лежал телефон с приложением такси. Гостиницу я могла позволить себе без объяснений и без просьб. Но пришлось бы завтра вернуться к этой двери, к этому запаху, к собственному «а вдруг». Лучше сейчас. У роутера мигнул синий огонёк. Интернет есть, сообщение написать можно. В зеркале мелькнул заломанный воротник. Я зачем-то расправила его — как перед разговором с начальством. Дома. После трёх дней, когда мечтала только об этом доме.

Спальня. Дверь была приоткрыта.

Толкнула дверь плечом. Покрывало свисало с кровати, почти касаясь пола. Обе подушки сбились на мою сторону. Я всегда оставляла его подушку у стены, он ворчал, когда я перекладывала. А сейчас на моей наволочке лежал лист бумаги. Рядом — фотография, уголком поверх листа. Я сначала хотела поднять покрывало. Совершенно серьёзно: подобрать, расправить, а потом посмотреть бумагу. Руки сами тянулись исправлять его беспорядок.

До кровати оставалось два шага. Я сделала один, потом другой, придерживаясь пальцами за комод. На листе стояло «Заявление о расторжении брака». Ниже муж вписал чёрным маркером: «Артём Соколов». Такой жирной подписью он обычно подписывал поздравления. Только здесь поздравлять было не с чем. Дата подачи — завтрашняя. Значит, лежит, ждёт. Меня ждёт.

На фотографии его ладонь лежала у Виктории на талии. Её я узнала раньше него. Два года назад эта девочка сидела напротив моего стола, теребила рукав и просила: «Маргарита, вы же дадите мне рекомендацию? Я очень старалась». Дала. Ещё и исправила её резюме, чтобы не смешила рекрутеров. Теперь она смеялась, запрокинув голову, а мой муж смотрел ей прямо в лицо. Так внимательно он давно на меня не смотрел. Три дня назад поцеловал в висок у двери: «Возвращайся скорее». Я вернулась.

Лист можно было порвать одним движением. Я взяла его за верхние углы и натянула, услышала короткий хруст. Вот сейчас рванёт. Выброшу, застелю постель, он придет и скажет какую-нибудь очередную глупость: розыгрыш, спор с коллегами, не так поняла. От того, как охотно я уже придумывала ему оправдания, стало ещё хуже. Разжала пальцы. На краю остался надрыв.

Но я не рвала.

Камеру удалось открыть со второй попытки: сначала попала на соседнюю иконку. Навела на лист, дождалась резкости. Общий снимок, подпись, дата. Отдельно — фотография. Только снимая, заметила, что дышу ртом. Перевернула заявление. Ничего: ни отметки о приёме, ни печати конторы. Если он понесёт его завтра, у меня уже будет сегодняшняя копия. Этой мысли хватило, чтобы снять обратную сторону тоже.

На тумбочке зажужжал телефон Артёма. Личный — рабочий он всегда забирал с собой, даже в магазин. Я видела этот аппарат сотни раз, приносила ему из спальни, когда звонила мать. Сегодня на экране было «Виктория-Милая». С дефисом. Он ещё и потратил время, чтобы так её записать.

Можно ответить. Одно движение — и она услышит меня. Я уже подбирала первую фразу, самую унижительную, чтобы запомнила, чтобы больше не смела. Потом представила, как Артём слушает запись этого разговора с довольной улыбкой: вот она, моя истерика, можно пересылать друзьям. Детей у нас нет, вопросов о них не будет. Останутся деньги и то, чем он попытается меня пристыдить. Голос я ему сейчас не подарю.

Я свайпнула экран вниз. Сбросила звонок и оставила его телефон на тумбочке.

Ещё секунду в комнате слышалось короткое жужжание, и аппарат замолчал. Я смотрела на название контакта, пока экран не потемнел. Десять лет. Смена квартиры, ипотека, отпуск, на который он всё не мог вырваться, моё «ничего, поедем потом». Хотелось позвонить матери и спросить, где именно я ошиблась. Но тогда пришлось бы произнести вслух, что произошло.

В коридоре задержалась у окна, втянула прохладный воздух. Выдох получился со всхлипом. Ещё раз. На проверках мне помогало перечислять то, что известно наверняка: дата, сумма, подпись. Сейчас тоже. Заявление есть. Фото есть. Где Артём — неизвестно. Где деньги — пока тоже.

До кабинета я дошла босиком. У двери был кодовый замок, муж поставил его после ремонта: «Документы, сама понимаешь». Я понимала и каждый раз вводила одни и те же цифры. Сейчас задержалась над кнопками. Ещё вчера мне казалось неудобным заходить туда без него. Но он не постеснялся оставить на моей подушке заявление. Набрала код. Мне нужны были счета, а не право постоять за этой дверью.

На столе стояла пепельница. Четыре окурка, один раздавлен о край, пепел на коврике для мыши. Я сама когда-то купила этот коврик, потому что мужу было неудобно работать без него. Компьютер спал. Провела мышью по коврику, сбрасывая пепел на стол; экран осветил бумаги и попросил пароль.

Первый пароль помнила наизусть. Номер нашего старого совместного счёта; когда мы только поженились, Артём считал это очень романтичным. Для рабочих документов тоже пользовались им. Я набрала цифры, которые прежде могла ввести, разговаривая по телефону.

«Access Denied.»

Переключила раскладку, набрала снова. Тот же отказ. Значит, это тоже он сделал заранее. Пока я сидела в Питере над чужими расходами, он менял пароль здесь. Я не знала, какие ещё доступы он перекрыл, и уже тянулась к своей сумке за ноутбуком.

Остановилась у шкафа. На верхней полке лежал старый ноутбук, который Артём отдал мне под архивы. Он мог сменить пароль на нынешнем компьютере сколько угодно. Всё старьё, которое ленился разобрать, ещё было здесь. Когда в отчётах не сходится итог, я иду в первичные документы. Сейчас следовало сделать то же самое.

Ноутбук пришлось поставить на стопку бумаг: места муж на столе не оставил. Зарядки хватало, а локальный вход был без пароля. Полгода назад он сменил его на макбук, потом сказал: «Тебе для архивов сгодится». Сгодился. Среди временных файлов нашлась папка «Черновики_HR», а в ней — «Draft_Separation_Agreement_v3.docx». Третья версия соглашения о расставании. Первая и вторая тоже, значит, были.

Скопировала файл к себе и открыла. Сначала прочитала только заголовки, потом вернулась к пункту 4.2. «При расторжении брака по инициативе жены (при наличии оснований недоверия) супруг оставляет за собой право на компенсацию морального вреда в размере 50% от стоимости семейного автомобиля». Прочитала ещё раз. Наш автомобиль стоил четыре миллиона. Два миллиона муж хотел взять с меня за своё недовольство. Ниже упоминалась ипотека, которую я закрыла прошлогодними выплатами и бонусом. Я проверила номер договора. Наш. Тот самый, по которому больше нечего платить.

В подписанном контракте такой компенсации не было. Он рассчитывал, что я подпишу новое соглашение. Быстро, в слезах, лишь бы всё закончилось. Я представила его голос: «Не устраивай скандал, давай цивилизованно». Видела на бумаге уже не только деньги. Видела приготовленное место для моей подписи. Как будто моё согласие — небольшая техническая заминка.

Я вернулась к заголовку файла: версия третья. Дважды правил. Дважды перечитывал, сколько можно содрать с меня за его уход.

Глава 2

В дверь позвонили.

Резкий, настойчивый звонок в домофон. Я вздрогнула. Кто это? Курьер? Родственники? Артём вернулся раньше?

Я посмотрела на монитор домофона. Молодой парень в униформе службы доставки цветов. В руках огромный букет роз. Курьер поднял к камере карточку: «Для Маргариты. Прости за всё. Твой Артём».

Я смотрела на розы в руках курьера. Муж помнил, что я не люблю огромные букеты: потом ходи, ищи ведро, убирай листья, меняй воду. Всегда покупал такие, когда ему требовалось произвести впечатление. «Прости за всё». За что именно, Артём? Здесь места для ответа не оставили.

Курьер ни в чём не виноват. Но Артём опять заставлял меня принимать решение перед чужим человеком: улыбнуться его розам или хлопнуть дверью. Для него даже «прости» требовало публики.

До двери дошла медленно. У курьера наверняка ещё заказы, он стоит с моим нелюбимым букетом и ничего о нас не знает. Принять, отпустить человека, запереть дверь. С этим я справлюсь.

Открыла дверь.

— Подпишите, пожалуйста, — сказал курьер, протягивая планшет. Он не смотрел мне в глаза, уставился на планшет.

— Спасибо.

На экране планшета поставила подпись указательным пальцем. У курьера в одном ухе торчал наушник; он, кажется, даже не заметил, что я говорю чуть громче обычного. Хорошо. Хоть кому-то всё равно.

Букет оказался тяжелее, чем выглядел на экране домофона. Я перехватила его обеими руками; сквозь упаковку кололись стебли. Курьер придержал планшет локтем и шагнул к лифту.

— Всего доброго, — сказал курьер и ушел, лифт загудел, забирая его прочь.

Я закрыла дверь. Заперла замок. Положила букет на кухонный стол. Вода из-под крана текла холодная, металлическая струя. Я поставила вазу. Налила воды. На столе осталась солонка. Раньше я обрезала стебли, добавляла подкормку, меняла воду через день. Сегодня ухаживать за его розами не хотелось.

Я насыпала полную ложку соли в воду. Опустила розы. Одна роза уколола ладонь. Я стряхнула с пальца каплю крови и оставила букет в вазе. Утром выброшу. Сейчас пусть постоит в этой дряни.

В кабинете ноутбук успел приглушить экран. Я тронула тачпад, придвинула кресло и села. Теперь можно было записать всё, что нашла. От того, что я сяду и начну считать, случившееся не станет менее мерзким. Но по крайней мере утром мне не придётся вспоминать, где какой лист.

Карты в бардачке. Его «задержусь» в те выходные, когда Виктория раньше отпрашивалась у меня. Вопрос за ужином: «Слушай, а раздел имущества сейчас дорого обходится?» Я тогда ответила и продолжила есть. Теперь вспоминала каждую такую мелочь отдельно, злилась и на него, и на себя. У клиентов я замечала бы это гораздо раньше.

Зелёный блокнот лежал под моей зарядкой. В нём были расходы на квартиру, список для поездки и вычеркнутое «купить Тёме витамины». Перевернула страницу, отвела под заголовок две строки и записала то, что могла подтвердить:

1. Доступ к счетам ограничен. Требуется судебный запрос.
2. Черновик соглашения найден. Пункт 4.2 ложный.
3. Свидетели: курьер (доставка), система видеонаблюдения подъезда (дата/время входа).
4. Цель: сохранить активы. Уничтожить репутацию.

На слове «репутацию» я так нажала на ручку, что остался след на следующем листе. Зачёркивать не стала. Сначала счета и документы. Потом решу, что делать с желанием испортить ему всё остальное.

Телефон снова завибрировал. Номер, который я не знала. Но интуитивно поняла, кто это может быть, если Артём почувствовал неладное. Или если кто-то третий видел, как я входила.

Я сбросила. Нужно было говорить с кем-то, кто не спросит: «Как ты, бедняжка?». Кто не предложит валерьянку. Мне нужен был партнер. Человек, который видит людей насквозь.

Прежде чем набрать Илью, я отправила ему снимки бланка и фотографии с коротким: «Это лежало на моей кровати. Нужна помощь». Илья — частный детектив, бывший следователь по экономическим делам. Мы пересекались два года назад, когда я помогла банку выявить схему отмывания денег, в которой участвовал его старый знакомый. Он тогда помог мне собрать доказательства, которые банк использовал для внутреннего расследования, а я закрыла глаза на некоторые его методы работы. Долг взаимный.

Он не ответил. Через четыре минуты перезвонил сам. Голос был низким, хриплым, будто он курил всю ночь.

— Слушаю.

Илья не спросил, почему я звоню. Не спросил, жива ли я. Не спросил, нужна ли помощь.

— У тебя есть оригиналы документов? — спросил он вместо приветствия.

Я замерла. В трубке слышалось потрескивание зажигалки.

— Какие документы? — спросила я, хотя знала ответ.

— Те, что лежат на твоей кровати прямо сейчас, — сказал он спокойно. — Артём Соколов. Виктория. Заявление. Фото.

Он перечислял то, что я только что ему отправила. Слышать эти слова вслух оказалось хуже, чем читать их самой.

— Ты успел посмотреть снимки?

— Я работаю над делом компании, где он HR-директор. Слишком много утечек данных сотрудников. Слишком красивые сделки по продаже базы клиентов. Он крутится вокруг сомнительных схем. Я искал следы платежей. Твой снимок даёт ещё одно имя, которое стоит проверить. Виктория может быть связана не только с вашим разводом.

Он уже занимался Артёмом. Мне это не понравилось: сейчас любой человек, знавший о муже больше меня, вызывал злость.

— Давно? — спросила я.

— Достаточно, чтобы не советовать тебе подписывать что-либо сегодня.

Хотелось потребовать, почему он раньше не сказал. Но Илья не был моей подругой и не был обязан предупреждать меня о каждом своём расследовании. Зато теперь мог ответить на вопросы. Без мужниного «не накручивай себя».

— Есть оригиналы, — сказала я. Голос звучал тверже, чем я ожидала.

— Не рви их. Не отдавай полиции. Пришли мне фото всех страниц и сам файл черновика с его свойствами, на защищенный канал. Завтра встречаемся. Я достану доказательства его долгов и шантажа. Ты отдашь мне гонорар из его же активов, которые мы найдем.

— Почему я должна тебе верить?

— Потому что ты ненавидишь несправедливость больше, чем боишься одиночества. И потому что, если ты сейчас повесишь трубку и заплачешь, ты проиграешь. А ты уже фотографируешь документы вместо того, чтобы их рвать.

Я посмотрела на букет роз, тонущий в соленой воде. На блокнот со списком ошибок. На экран ноутбука с черновиком соглашения.

— Скину на почту, которую ты пришлешь в SMS, — сказала я.

— Хорошо. И Маргарита?

— Да?

— Держись. Пока не найдешь выход, будь холодной. Если захочется ему позвонить — сначала набери меня. Поспорим, пока тебя не отпустит.

Линия оборвалась.

Я положила телефон на стол. Экран погас. В квартире стало тихо. На кухне гудел холодильник. Ментол всё ещё раздражал; я открыла окно, пусть выветривается.

Илья не спросил, как я себя чувствую. Он спросил, где лежат оригиналы. И в этом вопросе было больше уважения к моей силе, чем во всех словах поддержки, которые мне когда-либо говорили.

Я взяла ручку и написала в блокноте последнюю строку:

Шаг 1. Аудит начат. Враг определен. Инструмент выбран.

За окном хлопнула автомобильная дверца. Я вздрогнула, прислушалась — не его машина. Потом положила оригиналы в папку и убрала к себе в сумку. Утром мне понадобятся именно они.

Глава 3

Утром вытащила документы из сумки и снова разложила на столе. Думала, за ночь привыкну. Не привыкла: лист дрожал, пришлось прижать его ладонью. «Истец: Артём Соколов». Мой муж, отец моих несостоявшихся детей, человек, которому я собиралась привезти хороший питерский кофе. Пакет кофе так и лежал в чемодане. Я прочитала имя ещё раз, потом отодвинула чашку. На пустой желудок зря выпила. От его подписи опять мутило, а фотографии всё ещё лежали тут же, лицом вверх. Я перевернула их. Утро начнётся с цифр, на Викторию смотреть пока не могу.

Села прямее; холодная спинка стула прижалась к лопаткам. Ноутбук открыл вчерашний файл. Я убавила яркость, завела рядом чистую таблицу. В один столбец — даты, в другой — подтверждения. Заявление: дата стоит, регистрации нет. Моя командировка: билеты, гостиница, письмо секретарю. Начала заносить по порядку. На работе это занимало минуты. Сейчас приходилось проверять, не вписала ли один и тот же день дважды. Хорошо, что таблица не спрашивала, как я себя чувствую.

В архиве нашлось дополнение к контракту. Я помнила тот вечер до смешного ясно. Артём сидел за кухонным столом, кофе плеснулся ему на палец, он облизал его и пододвинул мне бумаги.

— Формальность для банка, Марго. Налоговую нагрузку оптимизируем.

— Мне читать?

— Да там всего одна строчка. Ты сама хотела меньше возни.

Я хотела меньше возни. Ещё хотела закончить ужин и спокойно посидеть с мужем. Подписала, доверив ему то, что постороннему человеку в жизни бы не доверила.

Сравнила сохранённые версии. В дополнении стояло: «Долги одного супруга, возникшие в период брака, признаются общими обязательствами». Ни слова о том, куда потрачены деньги. Под этим была моя подпись. Я поднесла экран ближе, будто на нём могла оказаться чужая рука. Конечно, моя. Теперь муж мог требовать, чтобы я участвовала в погашении карт, с которых содержал Викторию. Придётся разбирать каждую покупку, иначе он назовёт её семейной. Ну и разберём. Завела третью колонку — «Назначение расхода». На первой строке у меня почему-то перестали дрожать пальцы.

Корпоративное облако Артёма осталось закрытым. Но архив нашего бывшего совместного ИП хранился отдельно; мои права доступа он не отменил. Я проверила название аккаунта и открыла папку расходов. Здесь были копии счетов, которые он когда-то присылал мне для сверки. На семейную карту доступ у меня тоже сохранился. Никакого взлома — всего лишь документы, на чтение которых прежде вечно не хватало времени.

Илья приехал через час. Поднятый воротник пальто упирался ему в щёку; он опустил его, только войдя в квартиру. Посмотрел на бумаги, на мою чашку, на вазу с розами.

— Ела?

— Нет.

— Собирай документы. Здесь воняет табаком.

Я не стала спорить. В кафе через дорогу пахло выпечкой, и можно было сесть, не глядя на нашу спальню. Официантка принесла воду. Илья отодвинул стакан, освобождая место под распечатки, а я выпила свой почти целиком.

— Фотография пригодится, но сначала договор, — сказал Илья. Два листа он отложил вправо. — И переводы. Из них видно, на что ты можешь требовать деньги обратно.

— А из фотографии видно, на кого он их тратил.

— Да. Вот теперь соединяем. Что ты выгрузила?

— Выписку по карте. Вот, — я достала из сумки флешку. Подключила её к планшету детектива. На экране появилась таблица транзакций по семейной кредитной карте. Строки, выделенные красным цветом: ювелирные изделия премиум-класса, забронированные через онлайн-магазин под описанием «канцелярия для офиса». Суммы были округлены, даты совпадали с выходными Артёма.

Сначала он листал быстро. На строке с ювелирным магазином остановился, вернулся на предыдущую и попросил приблизить.

— «Канцелярия»?

— Угу. Очень дорогие карандаши.

Илья снял очки и провёл пальцами по переносице.

— Хитрый сукин сын. Подарки любовнице проводил через твою бухгалтерию.

Я наконец смогла отпить воды, не глядя в стакан. Он увидел то же, что я. Теперь дело не зависело от того, насколько убедительно я расскажу про предательство.

Позвонила мать Артёма. Я держала телефон над столом и сначала хотела показать имя Илье. Потом всё-таки ответила.

— Маргарита, милочка, ты только не горячись. Если подашь иск, тебе счета через суд заморозят. У них связи. Зачем всем нервы портить?

«У них». Значит, уже не у нас. Я слышала на заднем плане телевизор — знакомая передача, которую она смотрела каждое утро. Свекровь сидела в своей кухне и просила меня не портить нервы людям, оставившим на моей кровати заявление о разводе.

Илья поднял на меня глаза, но не потянулся к телефону и ничего не подсказал. Я ждала от свекрови хотя бы вопроса: «Что произошло?» Его не было. Она продолжала про связи, счета и то, как сейчас дорого всё обходится.

— До свидания, — сказала я.

Закончила вызов. Илья придвинул мне воду, я вытерла ладонь о брюки и нажала «Заблокировать». Потом удалила контакт.

— Она перезвонит с его номера, — предупредил он.

— Пусть. С него тоже не возьму.

Говорить это оказалось легче, чем делать. Но обратно разблокировать я её не собиралась.

Мы открыли архив расходов. Рядом со счетами на «консультации» лежала переписка с юристом. Наименование услуг менялось, получатель повторялся. Илья складывал суммы в отдельном столбце; я сверяла их со своими выписками. Не хватило пятнадцати миллионов. «Ремонт», как называл это Артём, я оплатила сама: помнила не только сумму, но и как торговалась с подрядчиком за переделанную ванную. Ещё пятнадцать миллионов туда просто некуда было деть.

— Смотри, ночью добавлено, — Илья указал на время возле файла. — Ты тогда уже улетела?

— Вечером.

— Значит, когда ты была в гостинице, он переносил документы. И вот этот счёт тоже.

Я открыла письмо с подтверждением заказа. Дорогая техника, доставка Виктории, оплата с нашей карты. Артём, который уверял меня, что на новую посудомойку сейчас нет денег, вполне мог позволить чужую технику. Скопировала письмо в таблицу, стараясь не ударить по клавише слишком сильно.

Время сохранения совпадало у нескольких файлов. В одной папке были чеки, в соседней — проекты документов. Илья попросил открыть старую версию соглашения. Заголовок показался мне знакомым, но номер версии был другой. Я развернула свойства, он придвинул планшет, и некоторое время мы оба молчали.

Ранний проект был создан за две недели до нашей свадьбы. Я проверила год. Потом прокрутила текст: наши имена, адрес, имущество. Уже вписаны. Так бывает со старым шаблоном? Возможно. Но в шаблоне не было бы номера моей машины.

— Рита, — сказал Илья.

— Вижу.

Он перестал указывать на экран. Я могла прочитать сама.

Соседний столик попросил счёт. Кофемашина выпустила пар, официантка извинилась за задержку. Обычное утро, только мой муж успел подготовить наше расставание ещё до свадьбы. Тогда я выбирала платье и спорила с матерью, нужны ли голуби. Он считал имущество. Теперь надеялся на родителей Виктории. Тогда — не знаю, на кого. Да и какая разница, если я уже была для него вариантом, который надо заранее обезопасить? Мне захотелось вернуть тот свадебный спор и потратить его время не на голубей, а на одну страницу этого файла.

Илья спросил, сохранить ли копию отдельно.

— Сохрани. И закрой пока.

Слова вышли хриплыми. Я смотрела на свою подпись в дополнении, на дату раннего проекта, на чашку воды между ними. Десять лет можно было объяснить нехваткой времени, усталостью, привычкой. Но документ до свадьбы — чем? Прижала ладонь к животу и дождалась, пока отпустит тошнота.

Закрыла ноутбук. Илья дождался, пока я соберу распечатки, и придержал ту, что сползла со стола.

— Завтра он предложит тебе подписать раздел?

— Наверняка.

— Тогда пусть сначала покажет всё, что собирается делить.

— А если не покажет?

— Будешь знать, чего он боится.

Я убрала бумаги в папку. Прежние такие папки муж всегда забирал у меня со словами «я сам». Эту я застегнула и оставила возле своего стула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.